

Античная древность и средние века. 2017. Вып. 45. С. 57–76

УДК 94(37).07+94(363)

DOI 10.15826/adsv.2017.45.004

О. В. ОШАРИНА**НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОГРУДНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ
В МЕДАЛЬОНАХ НА КОПТСКИХ ТКАНЯХ IV–VI ВВ.**

Аннотация: На позднеегипетских тканях конца IV–VII вв. часто встречаются погрудные изображения в медальонах. Вопрос иконографии и символики этих образов до сих пор остается открытым, и рассматривается исследователями в разных аспектах: мифологическом, астрономическом или декоративном. Богатое разнообразие пурпурных тканей эрмитажного собрания позволяет поставить вопрос о генезисе и символическом значении изображений в медальонах. Уже в античный период они были символом защиты, возвышения и обретения бессмертия. Изображения в медальонах чаще встречаются в эсхатологических композициях: nereida, плывущая на гиппокамфе, Афродита в окружении дионисийской свиты, фигура всадника-охотника, амазонки и кентавра, изображения льва, зайца или орла. Обратившись к тканым композициям с погрудными изображениями в медальонах, заметим, что все они, так или иначе, связаны с дионисийской тематикой. В более поздний период складывается подчеркнуто христианский характер композиций. Большая часть типологически близких изображений из собрания Эрмитажа приходится на лондонскую коллекцию Виктории и Альберта и происходит из бывшего греческого поселения, Панополия (современный Ахмим). Значительная часть населения города состояла из римских ветеранов и их потомков, долгое время сохранявших традиции привычной погребальной практики.

Ключевые слова: Раннехристианское искусство Египта, бюсты в медальонах, ткани, символ, аллегория, Дионис и его спутники

На позднеантичных египетских тканях конца IV–VII вв. часто встречаются мужские и женские портретные образы и бюсты в медальонах. Исследования, посвященные этим памятникам, касаются только отдельных образцов, в основном, тканей с аллегориями и персонификациями, в то время как, в целом, их типология и иконография еще не становились предметом специального изучения. О наличии этих изображений упоминает У. Хорак в статье о персонификации города Александрии.

рия, связывая их с дионисийской символикой¹. Важной представляется и небольшая публикация Д. Реннер-Фольбах об аллегории времени года на тканом шелковом медальоне V–VI вв. из собрания Государственного музея Египетского искусства в Мюнхене².

Следует отметить, что ткани с аллегориями и персонификациями раннего времени (IV–V вв.), в стиле которых еще прослеживается влияние римского живописного портрета, сохранились в сравнительно небольшом количестве. Прежде всего, это изображения богов: портрет Диониса из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина³; парные вставки для украшения туники с Дионисом и Ариадной из Лувра⁴; сидящая на корточках Афродита⁵. Блестящим образцом подобного рода памятников может служить тканый медальон с изображением богини Земли Геи⁶ из эрмитажной коллекции и речного божества Нила из собрания ГМИИ в Москве⁷.

Персонификации и аллегории времен года, месяцев, богини земли Геи, Океана, рек, водных источников могли передаваться в виде крылатых изображений молодых женщин или юношей с различными атрибутами: птицами, корзинами, растениями и сосудами⁸. Персонификация весны обычно держит в руках цветущую ветвь⁹, а фигура зимы одета в плащ с капюшоном, в ее руках – утка, ее атрибут¹⁰. Как правило, на тка-

¹ Horak U. Von Alexandria bis Panopolis – Stadtpersonifikationen auf spätantiken Stoffen aus Ägypten // *Realia Coptica*: Festgabe zum 60. Geburtstag von Hermann Harrauer / hrsg. von U. Horak. Wien, 2001. S. 37–52.

² Renner-Volbach D. Eine Jahreszeit am Nil ein Rundeinsatz mit Seide in der Ägyptischen Staatssammlung in München. Wiesbaden, 1996. S. 9–44.

³ Шуринова Р. Д. Коптские ткани: Альбом. Л., 1967. № 205, 206.

⁴ L'art copte en Egypte – 2000 ans de christianisme: exposition présentée à l'Institut du Monde Arabe / sous la dir. de M.-H. Rutschowskaya. Paris, 2000. No. 141 b.

⁵ Lorquin A. Les Tissus coptes au Musée national du Moyen Age, Thermes de Cluny: catalogue des étoffes égyptiennes de lin et de laine de l'Antiquité tardive aux premiers siècles de l'Islam. Paris, 1992.

⁶ Каковкин А. Я. Сокровища Коптской коллекции Государственного Эрмитажа: каталог. СПб., 2004. С. 47–48, № 27, Табл. 1.

⁷ Шуринова Р. Д. Коптские ткани: Альбом. № 12.

⁸ Matz Fr. Die antiken Sarkophagreliefs. Berlin, 1975. Bd. 4. S. 445, Nr. 251, Taf. 263.

⁹ Evans H. C. Arts of Byzantium // Metropolitan Museum of Art Bulletin. 2001. Vol. 58. No. 4. P. 25.

¹⁰ Du Bourguet P. Musée national du Louvre: catalogue des étoffes coptes. Paris, 1964. No. 73, P. B. 21.

нях персонификации изображались безымянными, но есть и исключения, например, большая завеса VI в. из собрания Думбартон Окс, на которой греческими буквами выткано имя богини Гестии, покровительницы домашнего очага¹¹. Волосы этих женских изображений украшает диадема или жемчужная нить, на груди – дорогое ожерелье или амулет, массивные серьги завершают весь туалет.

Однако загадку представляет другой тип изображений: бюсты в медальонах, с одинаковыми прическами и подчеркнуто сходными, схематично выполненными чертами лица при полном отсутствии каких-либо атрибутов. Вопрос иконографии и символики этих образов до сих пор остается открытым и рассматривается исследователями в разных аспектах: мифологическом, астрономическом или декоративном. Некоторые авторы, в частности, А. Гонозова, считают, что, если мотив с погрудными изображениями, головами и масками имел какое-то иконографическое значение, то затем их функция становится чисто декоративной¹². Богатое разнообразие пурпурных тканей эрмитажного собрания позволяет нам поставить вопрос о генезисе и символическом значении изображений в медальонах.

Широкое распространение пурпурные ткани с погрудными изображениями в медальонах получают в период с IV по VI вв. Уже в античный период они были символом защиты, возвышения и обретения бессмертия¹³. В римское время образы *imago clypeata* подразделяются на два типа – триумфальные и погребальные, последние часто встречаются на позднеантичных саркофагах и стелах, как в виде отдельных, так и нескольких фигур. Бюсты в медальонах пользовались в Египте особенной любовью. Уже в росписях Бауита, монастырского комплекса VI–VIII вв., представлены аллегорические образы в медальонах: веры, надежды, удачи, символов, олицетворяющих силы природы и времена года, святых воинов¹⁴. Также из Бауита происходят архитектурные фризы с чередующимися изображениями юношей и розетками в медальонах¹⁵. Широкою известность получает композиция с ангелами, возносящими

¹¹ Kalavrezou I. Byzantine Women and their World. Cambridge, 2003. P. 164, Fig. 15.

¹² Beyond the pharaohs: Egypt and the Copts in the 2nd to 7th centuries A.D. / ed. by F. D. Friedman. Baltimore, 1989. P. 127.

¹³ Grabar A. Christian iconography: a study of its origins. New York, 1968. P. 73–74.

¹⁴ Clédat J. Le monastère et la nécropole de Baouît // Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie du Caire. 1904. T. 12. P. 135–136, Pl. LXXXVII, LXXXVIII.

¹⁵ Kalavrezou I. Byzantine Women and their World. P. 161, No. 84.

вверх медальон с погрудным бюстом, например, на тканях или деревянных панно с нильскими сценами¹⁶.

Для решения поставленной задачи обратимся к памятникам более раннего времени, несколько расширив их круг. На погребальной стеле I века лорик римского центуриона украшают фалары с изображениями императора, медузы Горгоны и львиными протомы; по сторонам фигуру центуриона фланкируют скульптурные бюсты его предков¹⁷. При полном соблюдении традиций римского погребального культа, изображения продолжают сохранять функцию апотропея. На погребальной пальмирской стеле II века грудь женщины украшает массивная цепь с тремя скульптурными бюстами в медальонах. Эти изображения в тондо, вероятно, были призваны показать принадлежность умершей определенной религиозной практике, по-видимому, культу богини Кибелы¹⁸.

Несмотря на известную приверженность христианству, копты продолжают традиции использования благопожелательной символики, корни которой глубоко уходят в язычество¹⁹. Изображение голов богов и святых, знаки – апотропеи встречается в скульптуре, например, на рельефе IV в. с Афродитой на фоне раковины²⁰, поддерживаемой эротами, на тканях с Дионисом на золотом диске²¹, возносимого ангелами, на ампулах святого Мины²². Эта традиция сохраняется и на памятниках более позднего времени, как можно видеть, на рельефе V в. из Ахнаса с изображениями танцующих нереид и Эрота на дельфине²³. Обычай использования символов – апотропеев в погребениях продолжает сохраняться и дальше, встречаясь как на мозаиках, так и на тканях²⁴. Чаще всего, это композиции с изображениями в центре апотропеев в виде узла Соломона, мотива лабиринта, плетения или головы медузы. В поздний период бюст медузы может заменяться дионисийскими или театральными масками, демонстрирующими связь с этим культом. Особое распростране-

¹⁶ L'art copte en Egypte – 2000 ans de christianisme. No. 164.

¹⁷ Bruhn J.-A. Coins and costume in late Antiquity. Washington, D.C., 1993. P. 28, No. 18.

¹⁸ Ibid. P. 18, No. 15.

¹⁹ Grabar A. Christian iconography. P. 99.

²⁰ Ägypten, Schätze aus dem Wüstensand: Kunst und Kultur der Christen am Nil. Katalog zur Ausstellung / hrsg. M. von Falck. Wiesbaden, 1996. S. 82, Nr. 15.

²¹ Beyond the pharaohs. P. 125, No. 35.

²² Ägypten, Schätze aus dem Wüstensand. S. 167, Nr. 145 b.

²³ Ibid. S. 82, Nr. 16.

²⁴ Maguire H. Garments pleasing to God: the significance of domestic textile designs in the early Byzantine period // DOP. 1990. No. 44. P. 216.

ние в Египте получают золотые и серебряные ювелирные изделия, включающие монеты с изображениями императоров в окружении бюстов с дионисийскими образами, мифологическими и анонимными героями. Традиция помещать монеты в погребение, особенно с изображением Александра Великого, имела в Египте давние корни, как на фаюмских портретах, так и на мумийных пеленах. Помимо функции апотропея, украшения с монетами повышали статус погребенного, что стало причиной появления их имитаций в бронзе и на тканях.

С IV в. погрудные портреты Константина сочетаются с дионисийскими образами и аллегориями месяцев, выявляя роль Диониса как творца плодоносящих сил природы и возрождения, что можно заметить на золотом ожерелье из собрания Думбартон Окс²⁵. На двух больших медальонах свадебного пояса из коллекции Думбартон Окс представлена композиция с изображением церемонии *dextrarum junctio*: фигура Христа в центре, в окружении жениха и невесты. Небольшие медальоны этого пояса, согласно определению К. Вейцмана, украшают изображения греческих богов, в том числе Диониса²⁶.

Иногда бюсты императоров включались в восьмиконечную звезду, так же как изображения в медальонах на пурпурных тканях, усиливая, символику спасения и защиты. Геометрические фигуры в форме восьмиконечных звезд представляли собой один из самых ранних знаков, встречающихся на коричневых, фиолетовых или почти черного цвета пурпурных тканях, находки которых происходят, в основном, из погребений бывших греческих полисов Антинои и Ахмима. По представлениям гностиков, восьмиконечная звезда являлась не только солярным знаком, но и печатью самого Бога. Таким образом, согласно гностическим воззрениям, тела погребенных были не просто завернуты в эти ткани, но и скреплены печатью Бога. В то же время христианское население Египта под печатью Бога понимало крещение, дарующее верующему вечную жизнь, отсюда появление октогональной формы большинства баптистериев²⁷. Неудивительно, что это изображение продолжает использоваться почти в течение двух столетий с IV по VI вв. Форма восьмиконечной звезды издавна исполняла роль своеобразного филактерия, поэтому ее изображение помещали, например, на фелони священнослужителей наряду с крестом, иногда в нее вписывали образ, значение которого было близким по смыслу или усиливалось от ее воздействия. Одной из характерных особенностей культуры ранних христиан

²⁵ Bruhn J.-A. Coins and costume in late Antiquity. P. 41, No. 5, Fig. 11.

²⁶ Ägypten, Schätze aus dem Wüstensand. S. 283, Nr. 262.

²⁷ Ранние отцы Церкви: Антология. Брюссель, 1988. С. 206–262.

было своеобразное дублирование символов, что особенно наглядно прослеживается не только в надписях и эпитафиях, но и на памятниках изобразительного искусства. Неслучайно, некоторые исследователи называют ранний этап развития христианской культуры Египта «христианизированным язычеством». По-прежнему в ходу у населения были амулеты, которые теперь представляли собой не только магические тексты и изображения апотропеев, но и отрывки из Священного Писания, иногда их помещали в ладанку и вешали на шею умершего. Среди монашеских захоронений монастыря св. Епифания были найдены остраки с изображением узла Соломона, голубя, льва или коня как, например, на остраке из собрания Коптского музея в Каире²⁸. Подобную роль играли и изображения на тканях. Так, в коллекции Эрмитажа хранится тканый медальон в виде восьмиконечной звезды, в центр которого вписано изображение бегущей вправо пантеры²⁹.

На погребальной завесе V в. из Антиной ювелир Коллуф и его жена уже сами предстают в образе Диониса и Ариадны³⁰, что, однако, не означало, что владельцы этих тканей были последователями дионисийской религии. Согласно завещанию, составленному Аврелием Коллуфом, он и его жена были христианами. Для памятников ранневизантийского искусства характерно, как известно, идейное переосмысление образов при сохранении их внешних языческих атрибутов, поэтому совершенно естественно, что такая трансформация произошла с языческим образом Диониса, причем в довольно ранний период. Постепенно изображения самого Диониса исчезают, совпадая по времени с уничтожением в Египте последних остатков дионисийских мистерий (543 г.). Остаются лишь его символы и атрибуты (изображения менад, сатиров, воинов, пантер и львов, виноградная лоза и т. д.), которые получают самостоятельное значение, превращаясь из элементов второстепенных в значимые. Подобная неопределенность религиозной принадлежности позволяла мастерам существенно расширить круг заказчиков. В особенности легко христианское искусство воспринимает все связанное с виноградной лозой, одним из атрибутов Диониса. Еще во II в. Климент Александрийский называет виноград в числе главных христианских символов, рекомендованных к изображению.

Композиции с погрудным изображением в медальоне в большом количестве встречаются на пурпурных тканях, изготовление которых

²⁸ L'art copte en Egypte – 2000 ans de christianisme. P. 121, No. 94.

²⁹ Матье М. Э., Ляпунова К. С. Художественные ткани Коптского Египта. М.; Л., 1951. С. 14, № 337, Табл. XLV, 2.

³⁰ L'art copte en Egypte – 2000 ans de christianisme. P. 154, No. 142.

приходится на период с IV по VII вв. К ранним образцам относится медальон с головой медузы Горгоны³¹, изображение которой иногда встречается на позднеантичных саркофагах и стелах, играющей роль апотропея, и фрагмент обрамления ворота тунки с изображением Диониса в центре и двумя бюстами в медальонах по сторонам³². Одна из композиций, IV века представляет собой медальон в виде восьмиконечной звезды, в центре которой представлено изображение головы юноши в диадеме (Рис. 1)³³, или юноши с перевязью на груди и густой шапкой волнистых волос (Рис. 2)³⁴. Лучи звезды и свободное поле ткани заполнено листьями и побегом виноградной лозы.

В центре еще одной пурпурной вставки выткан прямоугольник с линейным орнаментом (Рис. 3)³⁵. По фризу идут медальоны, образованные стилизованными побегами виноградной лозы с погрудными изображениями юношей. Обычно, центр композиции занимает знак – апотропей в виде плетений, узла Соломона (Рис. 4), мотива лабиринта, виноградной лозы, вырастающей из канфара, символа древа жизни. На другом медальоне из собрания Эрмитажа видно, как композиция с фриза перемещается в центр. Пышные листья побегов аканфа вырастают из вазы с отогнутым венчиком, образуя небольшие медальоны по всему фону вставки. В двух верхних, сохранившихся медальонах вытканы погрудные изображения юношей, голову одного из которых украшает диадема (Рис. 5)³⁶. Представленные на тканях изображения близко соотносятся с текстом 91 псалма: «праведник цветет, как пальма, возвышается, подобно кедру на Ливане. Насажденные в доме Господнем, они цветут во дворах Бога нашего» (Пс. 91:13–14).

Постепенно композиции усложняются и в них начинают ясно просматриваться основы христианского вероучения. В центре квадратной вставки представлено погрудное изображение мужчины в трехчетвертном повороте, а на фризе – изображения зайцев и крестообразных фигур (Рис. 6)³⁷. Фриз ткани с изображением nereidy, плывущей на гиппо-

³¹ *Trilling J.* The Roman heritage: textiles from Egypt and the eastern Mediterranean, 300–600 A.D. Washington, D.C., 1982. P. 81, Pl. 7.

³² *Maguire E. D.* The rich life and the dance: weavings from Roman, Byzantine and Islamic Egypt Baltimore, 2005. P. 142, No. C 2.

³³ *Матъе М. Э., Ляпунова К. С.* Художественные ткани Коптского Египта. С. 168, № 361 (Инв. № ДВ 11478).

³⁴ Там же. С. 168, № 362 (Инв. № ДВ 12960).

³⁵ Там же. С. 168, № 363, Табл. XLVII, 9 (Инв. № ДВ 9701).

³⁶ Там же. С. 112, № 83 (Инв. № ДВ 12651).

³⁷ Там же. С. 167, № 357 (Инв. № ДВ 12787).

камфе, украшают чередующиеся крестообразные фигуры и бюсты в тондо³⁸. Композиция с погрудным изображением юноши в медальоне с фигурами зайцев по сторонам канфаров, из которых вырастает виноградная лоза, символически обозначала таинство Евхаристии³⁹.

Еще со времени императоров Флавиев римские саркофаги украшает мотив «населенная лоза», представляющий собой символику возрождения⁴⁰. В медальоны, образуемые плетением пышных листьев аканфа или винограда, включаются фигуративные изображения эротов, собирающих виноград, вакхантов и вакханок, воинов со щитами и копьями, различных животных: кабанов, ланей, львов, собак и зайцев. Для египетских ткачей излюбленным становится орнамент «населенная лоза». Чаще других животных, встречается изображение льва и зайца, символов воскресения и христианской души. На светлом льняном фоне полосы из собрания Эрмитажа вытканы фигуры бегущего льва, зайца и бюст мужчины в венке (Рис. 7)⁴¹. Изображение мужчины в медальоне, с венком победителя на голове, представлял собой погребальный портрет, используя символику льва как образ христианского Воскресения⁴².

В коллекции Эрмитажа хранится детская туника, клады которой украшают медальоны с погрудными изображениями. Повторяемость изображений, подобно магическому ритуалу, создавала эффект цикличности, обещая ее обладателю бессмертие и вечную жизнь. В центральном медальоне двух других детских туник из Лувра и музея искусств в Кливленде⁴³ представлено изображение плывущей nereidy на гиппокамфе, эроты с виноградными гроздьями и бюсты в тондо. Подобные композиции часто встречаются на римских саркофагах позднего времени, обещая их владельцу возрождение в новой жизни.

Изображения в медальонах чаще встречаются в эсхатологических композициях, в центре которых представлена nereida, плывущая на гиппокамфе, фигура всадника, льва, зайца или орла. На ткани, с изображением орла с крестом в клюве из Эрмитажа, вытканы чередующиеся головки с львиными протомы, которые, несомненно, свидетельствуют

³⁸ *Trilling J.* The Roman heritage: textiles from Egypt and the eastern Mediterranean. P. 60, No. 47.

³⁹ *Ibid.* P. 76, No. 72.

⁴⁰ *Toynbee J. M. C., Ward-Perkins J. B.* Peopled scrolls: a Hellenistic motif in imperial art // *Papers of the British School at Rome* 18 (1950). P. 11.

⁴¹ *Матвеева М. Э., Ляпунова К. С.* Художественные ткани Коптского Египта. С. 171–172, № 381, Табл. XLVII, II (Инв. № 11368).

⁴² *Grabar A.* Christian iconography. P. 74.

⁴³ *Beyond the pharaohs.* P. 151, No. 1.

о воскресении (Рис. 8)⁴⁴. Напомним, что медальоны с львиными протомами и головами, фалары с императорами, мифологическими фигурами и головой медузы Горгоны украшали доспехи римских центурионов, а также изображались на погребальных стелах. Значительный интерес представляет медальон с сидящей на корточках Афродитой и женскими головками, волосы которых убраны в сеточку, а головы юношей украшает виноградная лоза. Все известные образцы подобных сеточек использовались в качестве погребального инвентаря, а форма прически и венка юношей напоминает головку сатира из коллекции Лувра и ГМИИ⁴⁵. Отметим, что уже в позднем эллинизме Афродита превращается в богиню Подземного царства. Некоторые из рассмотренных нами композиций имеют близкие аналогии с тканями, происходящими из Ахмима.

Мотив «населенная лоза» часто служил украшением фриза композиций с изображением всадника, а вместо спутников Диониса, могли использоваться погрудные изображения в медальонах. Некоторые типы всадников указывают на непосредственную связь с дионисийским культом, как например, ткань из Лувра, на которой в образе всадника изображается сам греческий бог Дионис⁴⁶. Иногда изображение всадника заменяли фигурой амазонки, пантеры или кентавра. Все эти образы, как известно, были связаны с культом Диониса и изображались в его свите, вместе с музыкантами и воинами, сатирами и вакханками. В угловых медальонах пурпурной ткани с фигурой скачущей вправо амазонки помещены погрудные изображения юношей, в остальных – животные (Рис. 9)⁴⁷. По мнению С. Льюис, ткани подобного типа, окруженные рамкой из неокрашенного льна, выполненной в петельчатой технике, использовались как накидки или чехлы для погребальных подушек⁴⁸. Конь, выполнял здесь функцию психопомпа и рассматривался в русле эллинистической концепции о путешествии души в образе всадника и его победе над смертью. К VI в. относится плечевой медальон и полоса с изображением всадника и двух воинов по сторонам погрудного изо-

⁴⁴ Матье М. Э., Ляпунова К. С. Художественные ткани Коптского Египта. С. 171–172, № 381, Табл. XLVII, II (Инв. № 11603).

⁴⁵ Коптские ткани: Альбом. № 4.

⁴⁶ Du Bourguet P. Musée national du Louvre. P. 160, D 109.

⁴⁷ Каковкин А. Я. Сокровища Коптской коллекции Государственного Эрмитажа. С. 62. № 75 357 (Инв. № ДВ 12959).

⁴⁸ Lewis S. Iconography of the Coptic horseman in Byzantine Egypt // Journal of the American Research Center in Egypt. 1973. Vol. 10. P. 38.

бражения в медальоне. Эта композиция из частного собрания М. Бувье⁴⁹ представляет значительный интерес с точки зрения иконографии, так как изображение воинов, поддерживающих медальон с двух сторон, подобно ангелам, напоминают сцену Вознесения.

В более поздний период складывается подчеркнуто христианский характер композиций. Образ льва, известный символ христианского воскресения, заменяется изображением креста в окружении поясных фигур в медальонах (Рис. 10). Если в римской культуре император представляется центром Вселенной в окружении изображений времен года, стихий, планет и культа своих предков, то, в христианское время – это мечта о присоединении к почившим праведникам, ожидающим грядущего воскресения.

Некоторые исследователи связали мотив бюстов в тондо с изображениями времен года, так как часто их помещали в углах мозаичных композиций⁵⁰. Однако египетские мастера обращались и к рельефам на саркофагах, на которых времена года олицетворяли фигурки эротов-наездников, оседлавших медведя, символа весны, льва, символа лета, быка – осени и кабана – зимы. Иногда они могли передаваться в виде крылатых изображений молодых женщин или юношей с различными атрибутами: птицами, корзинами и сосудами⁵¹. Следует добавить, что времена года входят в круг дионисийских изображений.

Даже сами ткачи не всегда могут понять, крылья или виноградная лоза должны изображаться за спинами фигур, что можно наблюдать, на одном из пурпурных образцов из собрания Эрмитажа (Рис. 11)⁵². Возможно, это изображения ангелов как, например, на фрагменте туники с легкими аркадами, стоящими в них спутниками Диониса и крылатыми погрудными изображениями юношей и девушек над сводами⁵³, символически обозначающими картину христианского рая.

К середине V в. наступает новый период расцвета *imagines clypeatae*, изображения которых встречаются не только на тканях, но и на памятниках прикладного искусства в отличие от персонификации и аллегории.

⁴⁹ Stauffer A. Textiles d’Egypte de la collection Bouvier: antiquité tardive, période copte, premiers temps de l’Islam. Fribourg; Bern, 1991. P. 125–126, No. 42.

⁵⁰ Balty J. Mosaique de Gê et des saisons à Apamée // Syria. 1973. T. 50. Fasc. 3–4. Pl. XV, I, 2.

⁵¹ Matz Fr. Die antiken Sarkophagreliefs. Berlin, 1975. Bd. 4. S. 445, Nr. 251, Taf. 263.

⁵² Матъе М. Э., Ляпунова К. С. Художественные ткани Коптского Египта. С. 167, № 358 (Инв. № 9265).

⁵³ Trilling J. The Roman heritage: textiles from Egypt and the eastern Mediterranean. P. 59, No. 45.

Новая интерпретация погрудных изображений в медальонах

Согласно исследованию Г. Магвайера, этот процесс был связан с негативным отношением отцов и учителей церкви к языческим пережиткам, проявляющимся в почитании рек и источников, вере в чудодейственную силу магических обрядов и заклинаний, амулетов и гороскопов⁵⁴.

Обратившись к тканым композициям с погрудными изображениями в медальонах, заметим, что все они, так или иначе, связаны с дионисийской тематикой. Отсутствие конкретных атрибутов у большинства изображений не дает возможности для их отождествления, но позволяет связать с благопожелательной символикой⁵⁵. Большая часть типологически близких изображений из собрания Эрмитажа приходится на лондонскую коллекцию Виктории и Альберта и Муниципальный музей Гааги и происходит из бывшего греческого поселения, Панополя (современный Ахмим). Возможно, причина в том, что значительная часть населения была римскими ветеранами и их потомками сохранявших долгое время традиции привычной погребальной практики.

Погрудные изображения в медальонах помещенные на груди и на руках туник, несли дополнительную функцию защиты и спасения. Постепенно погрудные бюсты, представленные на ранних тканях, преобразуются в поясные фигуры орантов или дионисийским положением рук: одной поднятой, другой опущенной.

Статья поступила в редколлегию 13.05.2017 г.

Ошарина Ольга Владимировна

Кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник,
Отдел Востока,
Государственный Эрмитаж,
190000, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: oosharina@yandex.ru

Olga Osharina

Candidate of Art Criticism,
Senior Research Officer,
Oriental Department,
State Hermitage Museum,
190000, St Petersburg, Russia
e-mail: oosharina@yandex.ru

⁵⁴ Maguire H. Christians, Pagans, and the representation of nature // *Begegnung von Heidentum und Christentum im spätantiken Ägypten* / hrsg. D. Willers. Riggisberg, 1993. P. 150 ff.

⁵⁵ Maguire H. The good life // *Late antiquity: a guide to the postclassical world* / ed. by G. W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge, 2000. P. 235.

OLGA OSHARINA

NEW INTERPRETATION OF THE IMAGINES CLYPEATAE ON THE COPTIC TEXTILES OF THE 4TH – 7TH CENTURIES

Abstract: Late Antique Egyptian textiles of the 4th – 7th centuries often represent compositions with busts within medallions. The attribution of these images is still undecided and they can be viewed by scholars from different angles, like decorative, mythological or astronomic features. The rich variety of the Late Egyptian textiles in the Hermitage collection allows us to construct the typology of the abovementioned compositions and to trace their evolution. From ancient times all these images were the symbols of protection, elevation and immortality. They definitely function as an apotropaion and demonstrate the link with the cult of Dionysos. Images within medallions most often appear in eschatological compositions: with a Nereid riding a hippocampus, figures of a horseman an Amazon, a lion or an eagle. The greater part of similar images comes from the London collection in the Victoria and Albert Museum and the Municipal Museum of Haag. They originate from Akhmim. Purple textiles with waist-figures within medallions are connected mainly with the former two Greek settlements – Antinoia and Akhmim. It is possible that a considerable part of their population were Roman veterans whose descendants for a long time followed their traditional funeral customs.

Keywords: Late Antique Art in Egypt, imagines clypeatae, symbol, allegory, Dionysus and his retinue

LITERATURE CITED

- KAKOVKIN, A. Ja. *Sokrovishha Koptskoj kollekcii Gosudarstvennogo Jermitazha: katalog*. Sankt-Peterburg, 2004.
- MAT'Е, M. Je., LJAPUNOVA, K. S. *Hudozhestvennye tkani Koptskogo Egipta*. Moskva; Leningrad, 1951.
- Rannie otcy Cerkvi: Antologija*. Brjussel', 1988.
- SHURINOVA, R. D. *Koptskie tkani: Al'bom. Sobranija Gosudarstvennogo muzeja izobrazitel'nyh iskusstv A. S. Pushkina*. Leningrad, 1967.
- FALCK, M. (Ed.). *Ägypten, Schätze aus dem Wüstensand: Kunst und Kultur der Christen am Nil. Katalog zur Ausstellung*. Wiesbaden, 1996.
- RUTSCHOWSCAYA, M.-H. (Ed.). *L'art copte en Egypte – 2000 ans de christianisme: exposition présentée à l'Institut du Monde Arabe*. Paris, 2000.
- BALTY, J. "Mosaique de Gê et des saisons à Apamée". In: *Syria* 50 (1973). P. 311–347.

Новая интерпретация погрудных изображений в медальонах

- MAGUIRE, H. "Christians, Pagans, and the representation of nature". In *Begegnung von Heidentum und Christentum im spätantiken Ägypten*. Ed. D. Willers. Riggisberg, 1993. P. 131–160.
- FRIEDMAN, F. D. (Ed.). *Beyond the pharaohs: Egypt and the Copts in the 2nd to 7th centuries A.D.* Baltimore, 1989.
- TRILLING, J. *The Roman heritage: textiles from Egypt and the eastern Mediterranean, 300–600 A.D.* Washington, D.C., 1982.
- MAGUIRE, H. "The good life". In: *Late antiquity: a guide to the postclassical world*. Ed. G. W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge; London, 2000. P. 238–257.
- HORAK, U. "Von Alexandria bis Panopolis – Stadtpersonifikationen auf spätantiken Stoffen aus Ägypten". In: *Realia Coptica: Festgabe zum 60. Geburtstag von Hermann Harrauer*. Ed. U. Horak. Wien, 2001. S. 37–52.
- MAGUIRE, H. "Garments pleasing to God: the significance of domestic textile designs in the early Byzantine period". In: *Dumbarton Oaks Papers* 44 (1990). P. 215–224.
- GRABAR, A. *Christian iconography: a study of its origins*. New York, 1968.
- DU BOURGUET, P. *Musée national du Louvre: catalogue des étoffes coptes*. Paris, 1964.
- MATZ, Fr. *Die antiken Sarkophagreliefs*. Berlin, 1975. Bd. 4.
- KALAVREZOU, I. *Byzantine Women and their World*. Cambridge; New Haven, 2003.
- RENNER-VOLBACH, D. *Eine Jahreszeit am Nil ein Rundeinsatz mit Seide in der Ägyptischen Staatssammlung in München*. Wiesbaden, 1996.
- LORQUIN, A. *Les Tissus coptes au Musée national du Moyen Age, Thermes de Cluny: catalogue des étoffes égyptiennes de lin et de laine de l'Antiquité tardive aux premiers siècles de l'Islam*. Paris, 1992.
- MAGUIRE, E. D. *The rich life and the dance: weavings from Roman, Byzantine and Islamic Egypt*. Baltimore, 2005.
- BRUHN, J.-A. *Coins and costume in late Antiquity*. Washington, D.C., 1993.
- CLÉDAT, J. "Le monastère et la nécropole de Baouît". In: *Mémoires publiés par les membres de l'Institut français d'archéologie du Caire* 12 (1904).
- EVANS, H. C. "Arts of Byzantium". In: *Metropolitan Museum of Art Bulletin*. 2001. Vol. 58. No. 4. P. 3–48.
- STAUFFER, A. *Textiles d'Égypte de la collection Bouvier : antiquité tardive, période copte, premiers temps de l'Islam*. Fribourg; Bern, 1991.
- LEWIS, S. "Iconography of the Coptic horseman in Byzantine Egypt". In: *Journal of the American Research Center in Egypt* 10 (1973). P. 27–63.
- TOYNBEE, J. M. C., WARD-PERKINS, J. B. "Peopled scrolls: a Hellenistic motif in imperial art". In: *Papers of the British School at Rome* 18 (1950). P. 1–43.

Received on 13 May, 2017

Рис. 1. Ткань с изображением юноши в диадеме. Египет, IV в.; лен, шерсть
(Государственный Эрмитаж, ДВ 11478)

Fig. 1. Tapestry roundel with bust within medallion in diadem, Egypt, 4th c.
(State Hermitage, DV 11478)

Рис. 2. Фрагмент медальона с погрудным изображением. Египет, V в.
(Государственный Эрмитаж, ДВ 12960)

Fig. 2. A tapestry fragment with bust within medallions, Egypt, 5th c.,
(State Hermitage, DV 12960)

Рис. 3. Ткань с погрудными изображениями на фризе. Египет, IV в.; лен, шерсть
(Государственный Эрмитаж, ДВ 9701)

Fig. 3. Tapestry with bust within medallion, Egypt, 4th c.
(State Hermitage, DV 9701)

Рис. 4. Ткань с изображением узла Соломона в центре и голов юношей
Египет, V в.; лен, шерсть
(Государственный Эрмитаж, ДВ 11457)

Fig. 4. Tapestry with knot of Solomon and heads, Egypt, 5th c.
(State Hermitage, DV 11457)

Рис. 5. Ткань с погрудными изображениями юношей. Египет, V в.; лен, шерсть
(Государственный Эрмитаж, ДВ 12651)

Fig. 5. Tapestry roundel with busts within medallion, Egypt, 5th c.
(State Hermitage, DV 12651)

Рис. 6. Ткань с погрудным изображением юноши. Египет, V в.; лен, шерсть
(Государственный Эрмитаж, ДВ 12787)

Fig. 6. Tapestry square with bust within medallion, Egypt, 5th c.
(State Hermitage, DV 12787)

Рис. 7. Ткань с погрудным изображением юноши в венке
Египет, V в.; лен, шерсть
(Государственный Эрмитаж, ДВ 11368)

Fig. 7. Tapestry band with bust within medallion, Egypt, 5th c.
(State Hermitage, DV 11368)

Рис. 8. Ткань с изображением орла. Египет, V в.; лен, шерсть
(Государственный Эрмитаж, ДВ 11603)

Fig. 8. Tapestry roundel with an eagle, Egypt, 5th c.
(State Hermitage, DV 11603)

Рис. 9. Ткань с изображением амазонки. Египет, V в.; лен, шерсть
(Государственный Эрмитаж (ДВ 12959)

Fig. 9. Tapestry square with an Amazon, Egypt, 5th c.
(State Hermitage, DV 12959)

Рис. 10. Ткань с изображением креста в окружении бюстов в медальонах
Египет, VI в.; лен, шерсть
(Государственный Эрмитаж (ДВ 12981)

Fig. 10. Tapestry square with a cross, Egypt, 6th c.
(State Hermitage, DV 12981)

Рис. 11. Полоса с изображением бюстов в медальонах
Египет, V в.; лен, шерсть
(Государственный Эрмитаж (ДВ 9265))

Fig. 11. Tapestry roundel with bust within medallion, Egypt, 5th c.
(State Hermitage, DV 9265)